

Просперов Илья

Среди сосен и
елей

Просперов Илья

6+

Илья Максимович Просперов

Среди сосен и елей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66645034

SelfPub; 2021

Аннотация

В сборнике детских рассказов повествуется о несуществующей деревне в Костромской области. Главный герой тесно дружит с местным старожилом – дедом Иваном, от которого узнаёт много интересных и загадочных историй...

Илья Просперов

Среди сосен и елей

В дремучих лесах Костромской области затерялась маленькая деревушка Мордехаево. В далёком прошлом, когда Киевскую Русь грабили татары, часть людей переселилась сюда. Так и зародилось Мордехаево. Начиналось оно с тридцати дворов, к двадцатому веку в деревне уже насчитывалось сто двадцать, а до нашего с вами времени уцелело не больше десятка.

Хотя Советский Союз, вот как уже тридцать лет назад развалился, готов поклясться, что вы не найдёте в Мордехаево ни одной современной вещи.

Деревенские жители, те что не разбежались в поиске лучшей жизни и пива по акции, живут обычной жизнью. Сажают картошку, ловят рыбу в запруженном при Хрущеве ручье, солят грибы и слушают пластинки на старых полу самодельных патефонах.

А уж если вам совсем надоест топить в керосине колорадского жука или бить мух, можете пойти к деду Ване и насладиться незабываемыми историями...

История Первая. Как прадед деда Вани яблоню сажал.

Дедушка Иван сидел на крыльце и покуривая трубочку, задумчиво смотрел на лесного голубя, бессовестно поедавшего иргу. Заметив меня, он улыбнулся и вынул трубку изо рта.

– О, здорова. Послушать меня пришёл? Ну садись, расскажу кое-что...

Было это давным-давно. Тогда ещё деду моего отца четырнадцати не было. И как то моя прапрабабушка, Ефросинья Олеговна, послала моего прадеда, Генку, копать яму под яблоню.

– Ты смотри, - сказала Ефросинья сыну, – не ленись. Поглубже копай.

Ну мать сказала поглубже, стало быть так и надо. Гена взял лопату и пошёл за дом.

Сначала прадед выкопал яму по колено. Но яма оказалась ему слишком маленькой, и он принялся копать дальше. И только когда яма стала настолько глубокой, что в ней мог бы спокойно поместиться одноэтажный дом, Гена решил что всё хватит. И когда он уже собирался было отнести лопату, к нему подошёл его деда Паша. Мой трижды прадед почесал подбородок, похлопал Генку по плечу и спросил.

– Ты чаво это вырыл?

– Да это, дед, мне мать сказала ямку копнуть.

Деда Паша покивал головой.

– Энтэ значит, накидаю травки гнилой и навозу, а сверху накрою ветками. Хорошие черви будут, потом с тобой пес-

карей на уду в ручейке потягаем.

Павел Афанасьевич не любил говорить, а потом не делать, и вот уже через четверть часа яма была идеально заложена ветками и дёрном.

Вечером когда вся семья обедала, глава семейства, мой прапрадед, Семён Павлович, строго осмотрел всех и басом поинтересовался.

– Посадили яблоньку?

– Ой, – всплеснула руками Ефросинья Олеговна, – забыла я, забыла.

Семён вздохнул и вышел из-за стола.

– Ты куда, сынку? – спросил деда Паша, пережёвывая варёный лук. – Чай, стемнело, уже посадки делать.

– Да я до ветру, бать.

Через несколько минут раздался крик. Вся семья, а семья была большая, кроме прадеда ещё было две маленькие сестры и три старших брата, высыпали на улицу, чтобы узнать, что же случилось?

А случилось вот что. Семён Павлович в темноте не разобрал дороги и наступив на дёрн, лежавший поверх веток, с треском провалился в яму. Когда самый старший брат Филипп подбежал к яме со свечкой, все увидели как там на дне копошатся муравьи и лежит отец. Когда Семёна достали, на дне ямы обнаружилась раздавленная крыса, размером с батон хлеба. Видно, когда отец упал, он её придавил.

Все стояли и еле сдерживали смех. И только деда Паша

громко ругался.

– Хотел что бы червяк завелся. И чаво? Завелись мураши, крысы, сынку дюже дурны завелся. А черви где? Нет червей, собак плешивых!

История вторая. Как дед Паша золото добывал.

Говаривали мне будто было это в шестидесятом году девятнадцатого века. С того случая с яблоней прошло два года, и много чего изменилось.

Как то осенью приходит сосед и говорит отцу Семёну.

– Слышь, Сёма, чаво приснилось мне?

– Чаво?

– Будто иду я вдоль ручья нашего и у поваленной сосны, вижу в воде сверкает что-то. Нагибаюсь, мать честная! Самородок золотой с кулак. Тут я, понимаешь, и проснулся.

Семён Павлович улыбнулся и не придал значения соседскому рассказу, но на беду рядом стоял деда Паша.

Павел Афанасьевич прищурился, почесал затылок и задумчиво произнёс.

– Энто ежели такой продать можно и в Самкт-Петембург съездить.

– Бать, – окликнул его Семён, – айда картошку тяпать!

– Нет, сынку, мне теперь некогда. Сейчас сито с лопаткой в сарае возьму и побегу золото мыть.

Следующие пять дней дед Паша приходил домой только чтобы поесть и поспать. Всё остальное время он проводил

на ручье.

Случилось так, что проезжал по нашей деревне барин. Пообщавшись со старостой, он вдруг заметил какие-то активные движения около ручья.

– Это что там?– строго спросил он.

– Это, ваша благородья, обыкновенный деда Паша.

– Что он делает на ручье?

– Известное дело, золото моет.

У барина алчно загорелись глаза.

– Что же ты мне, баранье рыло, не доложил об этом? – набросился он на старосту.

– Так, ваша благородья, я то думал что старик из ума вышел. Какое на нашем ручье...

Но барин уже не слушал старосту, он сбежал вниз с дороги к ручью и подошёл к Павлу Афанасьевичу.

– Ну что, дед, много золото накопал? – слегка сурово спросил он.

Деда Паша вскочил и сняв шапку, поклонился.

– Ваша благородья, дак нет золота пока. Зато песку тележка точно, глины семь вёдер, и камушков три ведра. Яма видите какая большая?

Яма, вырытая дедом посередине ручья, не уступала яблонево́й, даже пошире была.

Барин с интересом осмотрел дедову работу и задал мучивший его вопрос.

– Так а с какого перепуга ты решил что золото здесь на-

моешь?

– Ни с какого, ваша благородья, только я точно знаю что оно здесь есть. Самородок здесь, около сосны должен быть с кулак.

– Ладно, дед, пришлю я тебе своих пять работников, пусть помогают тебе копать. Найдёшь золото, старосте доложишь.

Барин сдержал своё слово, и вот прибыли работники и целую неделю перекапывали русло ручья. В конце концов получилось углубление пять метров в ширину, десять метров в длину и два метра в глубину.

Никакого золота естественно не нашли. Вскоре приехал барин, и узнав что результата нет, приказал позвать деда Пашу.

– Ты что же это, свиное ухо, обмануть меня решил?! – грозно закричал он, сбросив с головы картуз.

Дедушка растерянно развёл руками.

– Как можно, ваша благородья, как можно. Энтю я точно знаю, куда оно подевалось. Его черти утащили, точно вам говорю.

– Эх, ты, – тяжело вздохнул помещик, качая головой, – на тебя даже сердиться то грешно. От старости то наверное уже ум убежал.

– Ваша правда, ваша благородья, правда не думал, что сосед меня так обманет.

– Так, – оживился барин, – интересно. Как же это он тебя обманул?

– Да приснилось ему, будто самородок он в ручье нашёл, вот я и подумал.

Барин хотел было открыть рот и сказать что-то, но промолчал.

– Тьфу, – плюнул он, сел в карету и поехал, хлопнув дверцей.

Однако, жители деревни не ругали Павла Афанасьевича и не смеялись над ним. А что, поди плохо, у них появилась яма в которой можно и гусям купаться, и бельё удобно полоскать и воду набирать. Да и пескари там завелись хорошенькие, пожарить в самый раз. Потому с того времени если кто приезжал в Мордехаево, и подходил у ручью, ему показывали яму и говорили.

– А это дело рук нашего деда Паши.

Дед Иван убрал трубочку в карман и зевнул.

– Дедушка Ваня, а с песком, глиной и камнями что сделали?

– Барин песок себе забрал. Для стройки наверное. А камни с глиной вся деревня растащила. Кто на печку, кто ещё на что.

– Да, интересная история.

– Так оно и есть, – согласился дед Иван и посмотрел на небо. Оранжевые облака медленно плыли над лесом. Солнце уже село, день так же как и эта история подошёл к концу.

История Третья. Мерянский «Шерлок Холмс»

Стояла жара. Но от неё не было плохо, ведь это были прощальные августовские теплые деньки. Уже и солнце сократило свой рабочий день, и ночами чтобы на выйти улицу приходилось надевать фуфайку. На деревьях начала желтеть листва, а вода в пруду бурно зацвела и никто уже в нем не купался. Мальчишки и девчонки, приехавшие к бабушам на каникулы, прощались со своими деревенскими друзьями и под песню Ротару «Вот и лето прошло», покидали Мордехево до следующего лета.

Но были и плюсы. Несмотря на жару давеча прошел хороший дождик и я, проснувшись по привычке в пол пятого, одел сапоги, и взяв две корзинки выдвинулся в лес.

С грибами мне повезло. Началась волна белых, и в этот раз мне удалось насобирать целую корзину, всего за полчаса. Это я ещё от дома ушёл совсем недалеко.

Но и вторая корзиночка не пустовала. В неё отправились два десятка молодых подберёзовиков, столько же подосиновиков, немного маслят и парочка польских.

Возвращаясь к дому я сократил путь и пошел не через Тришкин загон (позже будет рассказано, почему некоторые места носят такие названия) а напрямиком до пруда.

На берегу сидел собственной персоны дед Иван с поплавочной удочкой в руке. Рядом стояло старенькое ржавое ве-

дерко, в котором я заметил несколько рыбин.

– Клюёт? – поинтересовался я, подойдя к нему.

– Потихоньку. Вон вишь, трех ладошечных карасиков уже поймал. Бывало и лучше... а у тебя я вижу все в ажуре?

– Ну да. Маслят вот жалко мало, так бы засолил пару банок.

– А ты пройдишь до старого зимовья, там полкорзинки точно наберешь.

– Да ладно, оно ж прям у дороги. Неужели там маслята есть?

– Ну во-первых не прям у дороги, а во вторых не только маслята, там при последнем охотнике из рода Креслава и грузди встречались.

– Чего? – не понял я.

– В зимовье этом охотники раньше жили, – принялся объяснять мне дед Иван, – ну про них я тебе как-нибудь в другой раз расскажу, а то вспомнил я одну историю, надо тебе её поведать, а то память то сам понимаешь...

Жил здесь в самом начале двадцатого века в зимовье один мужик – Велемир. Был он охотником и по национальности был мерянином, то бишь из предки его были из племени меря. И не был Велемир похожим на остальных. Жил он один, родители давно умерли, а ни жены, ни детей у него не было. Нелюдимым был Велемир ни с кем толком не общался. Скотины не держал, почти ничего не сажал. Питался исключи-

тельно дичью, рыбой, грибами, ягодами и прочими дарами природы. И охотником, скажу я тебе, был он первоклассным, отец мне рассказывал, бывало идешь по лесу, а навстречу Велемир. Несёт три корзины полные грибов, а на плече у него ягдташ набитый утками да зайцами. Никогда он с пустыми руками из лесу возвращался. И никто не ведал, как он такое количество дичи добывал, прям чудеса нашего леса.

Деревенские чурались Велемира. И на то были причины. Но произошёл как то один случай, после которого его стали не то чтобы уважать, но хотя бы не избегать.

Пропала у одного мужика овца из овина. Как узнал он, такой крик поднял – вся деревня сбежалась. И принялись обсуждать своровал ли кто или волк утащил? Волков то вроде давно уже не видели, да и вор не сознается. Не понятно чем бы это дело кончилось если бы не вмешался Велемир. Он молча зашёл в овин, и на глазах у крестьян принялся всё осматривать. Спустя несколько минут он повернулся к хозяину и сказал.

– Волк если в овин залез, то задерет всех овец и только одну утащит. Тут же все целые. На соломе крови не видно, а если бы волк овцу задирали, так на том месте пятна бы красные были. Клоков шерсти ни овечьей, ни волчьей тоже нет. К тому же ночью лая собачьего слышна не было и блянья, значит собаки волка не почуяли, а раз овцы не блеяли значит кто-то очень тихо залез и овце крепко пасть завязал. Да и

шляпка одного гвоздя на стене чуть красная. Это значит что в темноте кто-то плечом о гвоздь зацепился и поцарапался.

Велемир осмотрел притихшую толпу, почесал густую бороду и усмехнулся.

– Ну что? Указать вора или он сам сознается?

Вор сам сознался. Покаялся. Ну поругали его конечно, дали по шее пару раз на том и кончилось.

И с тех пор в деревне никто не воровал.

Помогал я как то старушке одной дрова колоть. После работы она поставила самовар и позвала меня чай пить. Во время чаепития я заметил на её участке сарай. Меня поразил его не обшитый каркас, состоявший из толстенных грубо обструганных бревен.

– Ничего себе, постройка, – уважительно заметил я, – умелые люди строили.

– Это ещё, дед мой, Михаил, Царствие Небесное, строил, – сказала бабушка, подливая мне в блюдце кипятку, – брёвна в одиночку таскал из Тришкина загона.

– Понятно... а мне всегда интересно было, почему Тришкин загон называли так? Не просто же так?

– Просто так, мой дорогой, ничего не бывает. А прозвали место это так ещё при Иване Грозном.

Было тогда очень много волков. Доходило до того, что откроешь ночью дверь, а из-за забора на тебя несколько горящих глаз смотрят.

И овец таскали, и кур и даже собак. А ведь ружей тогда у людей не было. Пытались ямы копать, мясо отравленное подкидывали да волки хитрые, чуяли неладное.

А был тогда в Мордехаево мужик один Трифоном звали. И был у него талант – бегал он очень быстро. Да так что все диву давались. Как-то раз лошадь на скаку догнал и остановил.

Помимо бега был он умным. И вот что с мужиками придумал. Нашли они в лесу высокий дуб и сделали на нём насесты чтобы сидеть можно было. И ветками замаскировали. А рядом ям накопали волчьих.

Трифон много раз тренировался, бегал из лесу до дуба, на скорость. Да так наострился, что с закрытыми глазами между ям прыгал.

А теперь о самом главном. Лунной ночью шёл Трифон в лес и выть начинал. На тот вой приходили волки. И тут Тришка к дубу пускался со всех ног. А волки за ним. Хорошо лесные хищники знают лес, да вот только Трифон столько раз тут бегал, что каждый пенёк и кочку знал и по лесным тропкам лихо улепётывал и как заяц петлял. Подбегал он к дубу, хватался за верёвку и тут один из мужиков сбрасывал с веток тяжёлое бревно в противовес. Тришку на верёвке вверх подкидывало и его тут ловили мужики, сидевшие на насесте. А другие мужики, стреляли из лука по подбежавшим волкам. В каких не попали, те в яму провалились. В пылу то они ям, припорошённых ветками и листвой не за-

мечали.

Вот так за год и выбили почти всех волков в округе. А те что остались ушли восвояси.

А место то с тех пор Тришкиным загоном зовётся. И если придёте туда в полночь да хорошенько прислушаетесь можете и волчий вой услышать.

История Четвертая. Про медвежонка.

Как-то под Новый год я решил съездить на недельку в Мордехаево. Тридцатого числа в пол десятого я сел на поезд и к трём был в Костроме. Я подошёл к остановке и уже садясь в автобус услышал как меня кто-то окликнул. Обернувшись я к своему изумлению и радости увидел деда Ивана.

– Вот так встреча! Здорова, деда Ваня!

– И тебе не хворать. Давай, иди места занимай, успеем наговориться.

Мы зашли в автобус и сели на самые последние места. Тому была причина, сзади было теплее всего, и мимо тебя никто не будет постоянно ходить.

– Как же я рад тебя видеть! – воскликнул я, приобняв деда за плечо.

– Я тоже. Ты какого лешего сюда зимой приперся то?

– На работе трубу прорвало, всё затопило. Коммунальщики приехали, сказали что ремонту на пять дней. В общем всех отпустили за свой счёт. А после этих пяти дней празд-

ники до восьмого. Так что я решил эти дни в деревне побыть.

– Это хорошо. Попаримся с тобой в баньке и на охоту сходим! – радостно сказал дед Иван.

– На кого охотиться будем? На зайца?

– Да хоть на слона! – крикнул водитель, нервно выжимая педаль газа, – вы за проезд платить будете?

– Я пенсионер. – ответил деда Ваня. – А он школьник. Просто выглядит не по годам. С наступающим, начальник!

Водитель что-то тихо проворчал в ответ и притих.

– На зайца то оно само собой, – продолжил дед, – вообще рассчитывал на куропаток.

Я усмехнулся.

– Рассчитывать можно и на медведя, это же охота, а не витрина колбасного магазина.

– Ну, положим на медведя я может быть и мог охотиться, но не хочу. Медведь – скотина умная, его и приручить можно не хуже собаки.

– Да ладно!

– Не веришь? Ну слушай...

Было это в годы лихолетья. Тогда отец мой, Кирилл, был возраста примерно десяти лет от роду. И вот как то гулял он со своим другом Васькой по лесу, грибы собирали и увидели какой-то коричневый комочек под кустом. Вася нагнулся и повернувшись к Кириллу растеряно пробормотал.

– Там это, медведь походу.

И действительно, под кустом свернувшись калачиком ле-

жал маленький медвежонок. Он спал, тихо посапывая, и изредка что-то ворча себе под нос.

– Слушай, – говорит мой отец, – давай ка пойдем отсюда подобру-поздорову. Сейчас мамка его объявится от нас только рубашонки да косточки останутся.

– Да ты посмотри, какой он худой. Медведица его бросила наверное, выкормить не смогла. Мне Кривой Федя рассказывал, такое бывает. Жалко его, в лесу он помрёт один. Давай его себе возьмём.

Кирилл скривил лицо и приподнял брови.

– Мне и так вчера влетело за то что мы с тобой деда на Луну отправляли. За медведя меня так отец высечет, неделю сидеть не смогу.

– Тогда я его к себе возьму, – решил Вася, – мать давно хотела кота завести, чтоб он мышей ловил. А я думаю, что медведь тоже их ловить будет, если очень захочет.

Вася аккуратно нагнулся и приподнял медвежонок, как берут обычно младенцев. Медведь не проснулся, и поёрзав, прижался к груди.

Когда Вася с Кириллом вышли из лесу они встретили своих отцов и с ними Никиту Савельича – врача, приехавшего в Мордехаево из села погостить.

– О, здорова, ребятки, – крикнул Савельич, увидев Кирилла и Васю, – как жизнь молодая?

– Здравсьте, дядя Никита. Да ничего, всё путём.

Никита Савельич кивнул головой, и вдруг заметил медве-

жонка.

– Какая у тебя собачка красивая, – обратился он к Васе, – до сих пор не видал таких необычных. Интересная собачка, – и погладил медвежонка по голове.

Тут в разговор встрял мой дед.

– Конечно интересная, – сказал он абсолютно спокойным голосом. Вообще мой дед был из тех людей, которые одинаково спокойно рассказывают о погоде и предупреждают о пожаре или наводнении, – конечно интересная, потому что это медведь.

Для меня до сих пор остаётся загадкой, как Никита Савельич, в шестьдесят пять лет, с одной почти не ходячей ногой, за пять секунд забрался на самую верхушку дуба, который рос рядом.

По началу Васина семья наотрез отказывалась брать медвежонка. Вася с Кириллом тайно держали его в коровнике и по очереди кормили молоком. Но прошло время и Васин отец, смягчившись, разрешил медвежонку жить в сенах.

Так прошёл год. Медведь подрос, Вася тоже. Василий натренировал лесного зверя не хуже собаки, и медвежонок порой послушно шел рядышком с ним, неся в пасти палку.

Не обходилось, конечно, без происшествий. Как-то медвежонок на соседский участок пролез и пол грядки репы слопал. А был случай, наш мохнатый герой на пасеку пробрался. Ну тут конечно больше он пострадал, чем пчелы и пасечник, но всё же вины с него никто по такому поводу не снял.

Однако не надо думать медведь всё время был в деревне. Они с Васей частенько ходили по лесу, иногда Василий даже отпускал его одного. И медвежонок всегда возвращался. Правда со временем он мог по нескольку дней не возвращаться домой. Вася поначалу очень нервничал, не ел, не спал, а потом привык.

И в один прекрасный день медвежонок ушёл – и больше не вернулся. Вася погоревал, остальные тоже для приличия, но прошло время и про медведя позабыли.

И только спустя десять лет, в год моего рождения, Вася, будучи уже взрослым мужиком, шел по лесу с охоты. Почти ничего не добыв (в те времена лисица и три зайца считалось почти ничем) он присел отдохнуть рядом с малиновым кустом.

Ест Василий малину как вдруг чувствует, кто-то ему в спину тычется. Оборачивается – а позади него медведь здоровенный. Сидит и носом в него тычет. Тут смекнул Вася, кто перед ним. Обрадовался, почесал его за ухом. Здравствуй, говорит, Мишка. А Мишка ему руку лизнул и раз, лёг на спину, лапы кверху, как собака. Чеши, мол мне пузо.

И с тех пор в нашей деревне никто на медведей не охотится. Вдруг родственник Васиного медвежонка попадетсЯ.

Лес – такая штука, вроде с детства ходишь по нему, знаешь как свои пять пальцев, и вдруг раз – заблудился. Так

случилось и со мной.

Весной в мае пошёл я в лес за лыком. Целый день ходил, надрал полный мешок и вот уже темнеть потихоньку начало, а я тропинку потерял. Тьфу, ты думаю, вот напасть. Бродил, бродил и когда уже почти совсем стемнело, вышел к холмику. Тут я понял где нахожусь. Место это Змей-горой зовется. На макушке холма росла большая сосна. Забравшись туда я сел под дерево и развел костер. Сначала думал на земле ночевать, на подстилке из лапника, но потом передумал, и когда костер прогорел, я залез на нижние ветки сосны, привязал себя ремнем, укутался получше в старенький свитер и заснул. Всяко лучше над землей, чем на земле.

Проснулся я из-за того что солнце слепило мне в глаза. Я зевнул, отвязался и хотел было уже спускаться вниз, но к счастью посмотрел на землю. И тут я в первые в жизни почувствовал как волосы на моей голове встают дыбом.

Подо мной все кишело змеями. Если точнее – гадюками. Такого их количества я ещё ни разу не видел. Здесь были и маленькие гадюки, не больше ладони, и здоровые в длину около двух метров, и бурые, как перезревшие жёлуди, и черные, словно ужи.

Теперь понятно, думал я про себя, сидя на ветке и задумчиво болтая ногами, почему Змей-гора. Как же, в мае у них как раз брачный период. Буду теперь тут сидеть пока от голоду вниз не свалюсь.

От скуки я принялся громко петь песни. Через какое-то

время я заметил, что гадюки злобно шипят, и часть их них куда-то уползла. И тут меня осенило. Я вспомнил, что когда ходил в лес с кем-то из деревни весной, то мы обязательно топали ногами и нарочно громко разговаривали. Змеи не любят шума и вибрации. Я забрался повыше и принялся громко петь и изо всех сил трясти сосну.

Когда на тебя сверху падают иголки и шишки, не очень то это приятно. Змеи шипели и изворачивались, но через пол часа даже самые упорные сдались и отползли. Я осторожно слез с дерева и взяв в руку палку, медленно принялся спускаться с холма, громко топая и постукивая палкой по земле. Змеи то отползли не на сто метров, они прятались рядышком в свежей низкой траве и угрожающе шипели, предупреждая меня, чтобы я не подходил к ним близко.

Я спустился с холма, без труда отыскал тропинку и помчался со всех ног к деревне. Если вас хоть раз кусала змея (а меня как-то в десять лет тыпнула гадюка, я тогда по высокой траве босиком бегал. Три дня меня тошнило и голова кружилась. Да еще и пятку жгло), вы сделаете все возможное чтобы это не повторилось.

Но зато лыка я много принес. Хорошие я вам скажу молчалки для бани получились!

История пятая. Про двух жертв непредвидимых обстоятельств.

Сидели мы как то с дедом Ваней на пруду и ловили карасей.

– Слушай, – спрашиваю я у него, – ты мне рассказывал, что запруду поставили при Хрущеве. Ты видел как это делали?

Дед Иван усмехнулся.

– Видел. Там такая ещё ситуация произошла смешная.

– Расскажи.

– Ну слушай.

В общем в пятидесятом году приезжает в наш колхоз с проверкой какой-то начальник. Председатель ему всё показал, про всё рассказал. И под конец начальник спрашивает.

– А что у вас нету никакого пожарного водоёма?

Председатель замялся.

– Есть, вот яма на ручье.

– Вы что смеётесь? – грозно спросил начальник, неодобрительно посмотрев на яму. – А коров вы как моете? Точнее где?

– Да мы их так, с ведерком...

– А если пожар начнется, тоже будешь бегать к яме с ведерком? Значит так, я приеду через три месяца, и чтобы был водоем. И обязательно с пожарным насосом.

Начальник уехал, а председатель организовал работу. И уже через неделю на территории будущего пруда появился экскаватор и грузовичок. Больше свободной техники не было и кто-то копал просто лопатой.

Прошло ещё два месяца. И вот ночью председатель просыпается от телефонного звонка.

– Алло.

– Алло. Это начальник Н. Ну как там с прудом?

И тут председатель с ужасом осознаёт что сроки то уже горят.

– Да, – говорит он с натянутой спокойностью, – все уже готово.

– Это хорошо, что вы вовремя все сделали. Завтра приеду проверю.

Председатель положил трубку и быстро одевшись побежал к пруду.

Приходит и видит: все выкопано, техника угнана, осталось только шлюз закрыть и всё. Председатель недолго думая забежал на плотину и перекрыл поток. Причём полностью, только маленькая дырка размером со спичечный коробок осталась. И побежал обратно спать.

Не заметил председатель в темноте, что в котловане на перевернутом деревянном столе спали два мужика. Один из них был местный – Василием, а другой – его сослуживец Ваню из Грузии, приехавший навестить его. После работы они на радостях напились и уснули. И вот спят Вася с Ваню, а вода медленно прибывает.

На утро приезжает начальник и первым делом идёт с председателем смотреть пруд. Приходит и видит – посреди пруда на столе спят двое мужиков.

– А... это что? – после некоторой паузы спросил он у председателя.

– А это работники наши.

– Я вижу, а что они там делают?

– Работают наверное. Сейчас спрошу... Василий! – крикнул председатель, нервно хрустя пальцами, – Вася!

Тут открыл глаза Ваню и жмурясь толкнул в бок Василия.

– Зовут, слушай, Вася.

Василий что-то проворчал сквозь сон и перевернулся на другой бок. Ваню хотел было что-то ему сказать, как вдруг увидел воду и вскочил.

– Вася, дорогой вставай быстрее, – принялся он трясти Василия, – давай, проснись.

Василий что-то прорычал в ответ, медленно поднялся, протер глаза и осмотрелся. Как ни странно он не удивился и не испугался, а наоборот обрадовался.

– Людка, – заорал он со всей дури, – достань теперь меня здесь. Давай, Ваня, – обратился он у грузину, вынимая из штанов бутылку водки, – подставляй стакашик.

– Василь Петрович, – крикнул с берега председатель, – как это называется?

– Это называется водка, – с ухмылкой гаркнул Вася, закусывая солёным огурчиком.

– Придётся пруд спускать, – развёл руками председатель, – иначе их ни как не достать оттуда.

Начальник кивнул головой и хотел что-то ответить, но его

перебила прибежавшая не пойми от куда Васильева жена.

– Вот он где, паразит, – заголосила она, увидев мужа, – ну я тебе задам, когда доберусь!

– Товарищ Муццашвили, – обратился Василий к Ваню, радостно жмурившемуся от солнца и водки. – На горизонте обнаружен вражеский объект. Что будем делать? Сдаваться?

– Мы не сдаёмся, – заявил грузин, встав и подняв стакан, как Данко свое сердце, – будем держать оборону морских границ, Вася.

А меж тем шлюз был уже поднят и вода стремительно уходила. Вскоре стол с нашими веселыми друзьями опустился на дно. Люда, воспользовавшись положением, быстро побежала к ним, со скалкой наперевес.

– Ну сейчас вы у меня получите, – закричала она, отряхивая сапоги от глины.

– Вася, отступаем, – выпалил Ваню, схватил бутылку со стаканами и принялся бежать.

За ним неся Василий, напевая песню: «Броня крепка и танки наши быстры...». Сзади бежала Люда и что-то грозно кричала.

Председатель растерянно смотрел на все это и хотел только одного – провалиться сквозь землю.

Хорошо что начальник с чувством юмора попался.

– Закусывать надо, – задорно крикнул он вслед мужикам, и с соболезнующим взглядом похлопав председателя по плечу, сказал, – главное пруд хороший получился. И шлюз, –

усмехнулся он, – работает.

Про охотников – мерян мне и дед Иван рассказывал и соседка и многие другие, почти вся деревня. Из всего этого я составил своего рода конспект.

Говорили про охотников, что они из рода Креслава, вот почему. Давным-давно в одном мерянском племени был вождь по имени Креслав. И в один прекрасный день старейшины подговорили народ и придя в дом к вождю грозно сказали.

– Совет принял решение. Ты больше не вождь, теперь им будет Варакш.

Креслав молча посмотрел на них и немного подумав произнёс.

– Тогда мне нет здесь места. Я уйду, а вы ждите кары от духов предков за ваши беззакония. Будьте прокляты вы и ваши дети.

Креслав собрал все свои пожитки и вместе с женой и детьми направился на север. Он долг шел и наконец набрел на Мордехаево.

– Хорошее место, – сказал Креслав, осматривая деревню, – будем жить здесь.

– Но, отец, – попытался возразить старший сын, – зачем нам селиться рядом с людьми? Тем более...

– Останемся здесь. – отрезал Креслав.

Для меня остаётся загадкой почему меряне не ушли по-дальше в лес, который так хорошо знали? Зачем они поселились рядом с людьми, если практически не общались с ними?

И принялся Креслав строить дом. На строительство зимовья ушло два месяца непрерывной работы. Инструментов у него было немного: топор да лопата, но в умелых руках с помощью них можно и дворец построить.

Потомки Креслава жили на том месте порядка четырёхсот лет. Последним, как вы знаете был Велемир. Что самое интересное, умер он в семнадцатом году, когда началась революция. Видно, закончилось время мерян и других самобытных племен.

Очень интересно то, что зимовье стоит и по сей день. Я был в нём. Зашёл как-то ночью с другом ради любопытства. Изба как снаружи, так и изнутри была тщательно вымазана глиной, а щели законопачены болотным мхом.

Рядом с дверью стояла большая каменная печь, с которой свисало старое заплесневелое тряпье. Напротив печки на лавке я обнаружил странные деревянные фигурки, похожие на людей. Очевидно, это были своеобразные амулеты или статуэтки языческих божков.

Надо заметить, что окна в зимовье не было. Вместо этого в стене была круглая дырка, заткнутая кусочком бревна.

Подойдя к столу, мы посмотрели на него и застыли на месте. На нём лежал черный кот, причем без хвоста. Он злобно глядел на нас темно-зелеными глазами и скалил зубы. Вне-

запно кот начал расти, и когда стал размером с поросенка, набросился на меня. Я невольно отпрыгнул в сторону, а кот вдруг исчез. Словно и не было его. Я и друг быстро убежали из зимовья и со всех ног бросились бежать. На дороге мы наткнулись на деда Ваню. Он выслушал нас, и подумав ответил.

– Я, ребяташки, там тоже бывал. Не видел ни кого, только голос какой-то слышал непонятный. Будто кто-то шепчет не пойми что. Вышел – тишина... А, ну его в баню, это зимовье, пойдёмте лучше на рыбалку!

И мы пошли на пруд ловить карасей.